

Таким образом, в восемь лет у Шао Ицянтя, у которого еще даже пух не везде вырос и который всего пару дней назад потерял зуб, откусив помидор, была очень приземленная и ничтожная мечта. Не свиной хвостик, не десять юаней, а однажды встать на финише «Пути к Западу».

Хотя награда на финише была невелика — возможно, просто щелчок по носу проигравшего, — Шао Ицянть мечтал об этом.

Чэнь Мэн, всегда побеждающий, равнодушно пожал плечами и процитировал:

— Сражайся, проигрывай, сражайся снова... Товарищ Шао Вэнь, тьфу ты.

Он закатал рукава, сел на пол, взял белую фишку и, как обычно, заявил:

— Даю тебе три хода вперед, давай!

Нос Шао Ицянтя был уже не раз щелкнут Чэнь Мэном, поэтому он не церемонился. Он сложил руки в форме ковша, потряс ими, бормоча что-то вроде «Небеса и Земля, скорее явись, Великий Лаоцзюнь, проявись», а затем резко раскрыл их, сделав смешной жест, и бросил кости на пол.

Он драматично закрыл глаза, откинулся назад и, не стесняясь, поклялся:

— Если первый ход будет отступлением, я назову тебя братом.

Чэнь Мэн подумал, что даже если он выиграет, это не принесет ему особой пользы. Хотя у него была небольшая проблема с желчным пузырем, он все же был старше Шао Ицянтя.

Шао Ицянть родился в конце июля — начале августа, в самое жаркое время года, когда, как говорят, собаки высовывают языки, чтобы охладиться. Какой уж тут вид?

Чэнь Мэну повезло больше: он был старше Шао Ицянтя на восемь месяцев. По солнечному календарю он родился в год Собаки, а по лунному — в год Петуха, в один из тех дней, когда не то курица летит, не то собака прыгает.

Так что в каком-то смысле они были «братьями по несчастью».

«Брат по несчастью» с загадочным выражением лица посмотрел на кости и произнес:

— Ого, 0.

Шао Ицянть повалился на спину, как капризный ребенок, и с досадой сказал:

— Почему всегда либо отступление, либо стояние на месте!

Едва он это произнес, как на воротах раздался резкий стук, и усталый женский голос крикнул, хватая ртом воздух:

— Сестра! Шурин! Вы дома?

Стук в ворота становился все громче, словно кто-то требовал долг, и его эхо разносилось по темному двору, вызывая странное возбуждение.

Шао Ицянть выпрямился, обменялся взглядом с Чэнь Мэном, указал на коромысло, прислоненное к углу двора, и тихо подошел к воротам.

Чэнь Мэн понял его намек, схватил коромысло и последовал за Шао Ицянем, дрожа от страха и шепча:

— Восемнадцать ударов дракона или Девять истин Инь?

Шао Ицянь заглянул в глазок, и в этот момент раздался новый резкий стук, почти бьющий его по лицу.

Он напрягся, но не упустил возможности подколоть Чэнь Мэна:

— Ну-ка, возьми себя в руки и скажи: «Я мужчина».

При слабом свете фонаря на улице видно было, что женщина выглядела изможденной, волосы на лбу растрепаны, а под глазами были явные круги.

Но это была знакомая женщина — мать Янь Яня, которую в семье звали «старшая тётя».

Шао Ицянь испугался ее вида и бросился открывать засов, но, дернув его слишком резко, почувствовал, как рука онемела, словно ее вымочили в перце.

Чэнь Мэн, увидев, что его друг открывает ворота без предупреждения, решил, что это проверка их дружбы, и, набравшись смелости, закричал:

— Эй, Ультрамен!

В тот же момент он замахнулся коромыслом, но прежде чем оно коснулось цели, женщина без предупреждения упала в обморок.

Чэнь Мэн, потеряв всякий стыд, присвоил себе заслугу, положил коромысло на плечо, провел большим пальцем по носу и с гордостью сказал, будто всех победил. Только его сильно вздымавшаяся грудь выдавала недавний страх.

Шао Ицянь промолчал.

Он без слов шлепнул Чэнь Мэна по голове и пробормотал:

— Это моя тётка, мать Янь Яня, у которого в судьбе не хватает огня.

«Не хватает огня» — это относилось к Янь Яню, чье имя содержало два иероглифа, связанных с огнем.

Чэнь Мэн, как человек, умеющий быстро приспосабливаться, тут же бросил коромысло и, как петух на заре, снова крикнул:

— Старина Чэнь! Здесь кто-то упал в обморок!

Шао Ицянь побежал к воротам, чтобы позвать взрослых, которые ушли на спектакль. Но едва он спустился с холма, как начался дождь, и звуки спектакля стихли. Люди начали возвращаться домой.

Он вернулся.

Вскоре в темноте и дожде появился старина Чэнь с его знаменитой прической «на пробор».

Старина Чэнь считал, что ходить на спектакли — это ниже его достоинства, особенно на похоронах. Однако... несмотря на внешнюю серьезность, он сам мечтал посмотреть спектакль, поэтому стоял во дворе и подпевал.

Старина Чэнь гордился тем, что воспитывает Чэнь Мэна лучше всех в деревне, что было видно по множеству грамот на стенах. Но он был недоволен тем, что Чэнь Мэн слишком увлекался приключениями с Шао Ицянем — то птиц ловили, то рыбу.

Он вошел во двор, шлепнул Чэнь Мэна по затылку, выразив своим взглядом неудовольствие императора, и, присев, осмотрел женщину, приказав Шао Ицяню:

— Принесите охлаждающий бальзам.

Вскоре вернулась бабушка Шао с компанией и привела с собой директора школы. Директор толкал старый велосипед и что-то говорил.

Шао Ицянь, вернувшись во двор, был в шоке. С одной стороны — директор, с другой — родители. О чем они говорили, было ясно — либо об успехах в учебе, либо о жалобах.

Легендарный табель, который должен был прийти завтра вечером, уже добрался до ушей родителей Шао Ицяня на старом велосипеде.

Он осторожно подошел, поставил охлаждающий бальзам и старался быть незаметным, прижавшись к стене.

Чэнь Мэн подошел к нему, поднял мизинец и указал на кучу арбузных корок под деревом, а затем на директора, стоящего рядом с бабушкой Шао, и шепотом показал:

— Беда не приходит одна.

Шао Ицянь закатил глаза:

— Иди ты.

Бабушка Шао не обращала на него внимания. Увидев знакомый велосипед своей сестры у ворот, она все поняла — в такую жару сестра проехала шесть часов из города, чтобы добраться до дома, и просто упала в обморок от усталости. Но она также задавалась вопросом: зачем ехать на велосипеде, когда сейчас столько автобусов?

Интуиция старшего поколения всегда точна. Она чувствовала, что случилось что-то серьезное.

Несколько человек уложили мать Янь Яня на кровать, обмахивали ее веером и натирали охлаждающим бальзамом, пока она не пришла в себя.

Янь Янь, все еще держа Пса, молча стоял у кровати, смотря на женщину большими глазами.

Авторское примечание:

«Сражайся, проигрывай, сражайся снова». — Сунь Ятсен (Сунь Вэнь).

<http://bllate.org/book/16843/1549526>